
Особенности провинциальной России

Рецензия на книгу: Плюснин Ю.М. (2022)

Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place, Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники».

Р.Р. ВАХИТОВ*

***Рустем Ринатович Вахитов** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии, Башкирский государственный университет; доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, Rust_R_Vahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Цитирование: Вахитов Р.Р. (2022) Особенности провинциальной России // Мир России. Т. 31. № 4. С. 179–184. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-179-184

Аннотация

В рецензии анализируется новая монография известного социолога Ю.М. Плюснина «Социальная структура провинциального общества». Монография является результатом более чем 30-летних социологических полевых исследований провинциальной России. Под провинциальным обществом автор книги понимает совокупность местных сообществ малых городов и примыкающих к ним сел, находящихся между «Россией больших и средних городов» и «деревенской Россией». Местные сообщества состоят из общин – союзов взаимопомощи, связанных соседскими отношениями и кровным родством, охватывающих одно или несколько сел, малые города или их районы. Рассматривается соотношение официальной госструктуры (увиденной через призму теории С.Г. Кордонского) и структурами низовой общинной самоорганизации, а также вопросы экономики, освоения территории и т. д. Монография открывает новые перспективы для осмысления социальной, политической, экономической, и культурной реальности России.

Ключевые слова: Ю.М. Плюснин, социальная структура, провинциальное общество, центр, провинция, местное сообщество, община, сословная структура, теория сословности, С.Г. Кордонский

Вышла в свет новая монография известного российского социолога Юрия Михайловича Плюснина «Социальная структура провинциального общества». Она

представляет собой фундаментальный труд, объем книги – почти 500 (!) страниц. Это результат социологических полевых исследований, которые автор вел начиная с 1980-х гг.¹ За эти годы Ю.М. Плюснин посетил более 500 провинциальных местных сообществ на всей территории России – от Дальнего Востока до Русского Севера, – где провел несколько сотен тысяч встреч, интервью, опросов, наблюдений, за которыми стоят годы, прошедшие в поездах, кабинах попутков, провинциальных гостиницах, на переговорах с местными мелкими администраторами, чиновниками. Всякий, кто занимался полевой социологией, понимает, что заплатить за исследование такую дорогую цену может только тот, кто движим пафосом настоящего ученого – стремлением к истине, и только одно это заставляет отнестись с особым чувством к труду Ю.М. Плюснина.

Чтение книги столь же увлекательно, сколь и познавательно. Понимаешь, что автору удалось нарисовать картину одной из «четырех России» (Н.В. Зубаревич) – России малых городов и примыкающих к ним сельских поселений, России провинциальной. Это очень важное, даже необходимое знание, судя по тому, какую роль играет в жизни страны «глубинный народ», то есть представители этого провинциального общества, к которым сегодня обращается и власть, и оппозиция; это они составляют ряды бюджетников и пенсионеров, они занимаются отходничеством, их дети служат в армии.

Изложим вкратце основные идеи книги и выводы, к которым пришел ее автор, а потом поделимся своими соображениями. Из самого названия книги понятно, что объект исследования автора – российское провинциальное общество. Однако уже вначале он оговаривается, что «провинциальное общество» – это абстракт, который не существует в реальности: «<...> Это не есть реальный объект, а лишь наименование» [Плюснин 2022, с. 26]. «Провинциальное общество» – обобщение черт реальных социальных объектов, которые Ю.М. Плюснин именуется «местными сообществами» или «локальными сообществами». Объединяет их то, что они не принадлежат ни к России больших и средних городов, ни в полной мере к «деревенской России». Это российская провинция, периферия, противостоящая центру. Под центром здесь понимаются не только такие мегаполисы, как Москва, Петербург, но и центральные города субъектов федерации: Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород – а также «средние города».

Итак, провинциальная Россия – совокупность местных сообществ. Она не существует в социальной реальности, потому что эти местные сообщества не соединены в единую сеть, в единый общественный организм, – их связывает лишь общее администрирование и ментальные конструкции идентификации, насаждаемые официальной пропагандой как федерального, так и регионального уровня, говорящих о «стране», «россиянах», «российской нации», «жителях нашей губернии», сообществах «татарстанцев», «башкортостанцев» и т. д. Это воображаемые сообщества в терминах Бенедикта Андерсона, тогда как местные сообщества, по Ю.М. Плюснину, – реальные, они включают в себя людей, которые друг с другом знакомы, то есть как минимум знают друг друга в лицо или через знакомых; их численность составляет от одной до 30–40 тыс. чел. (по Р. Белдуистлу,

¹ Книга по результатам полевых исследований увидела свет благодаря Фонду поддержки социальных исследований «Хамовники», под курированием которого уже много лет изучаются реалии отечественной социальной жизни и достигнуты заметные результаты (открыты феномены отходничества, гаражной экономики, описаны отечественная высшая школа и институты этнополитики с позиций «теории сословности» С.Г. Кордонского и т. д.).

человек в среднем знаком с 2 тыс. чел.) [Плюснин 2022, с. 30]. Эти люди связаны либо родственными, либо соседскими связями, практикуют взаимопомощь. Местные сообщества имеют внутреннюю структуру – «малый город» («местечко») и близлежащие сельские поселения. Они способны к самоорганизации, утрачивая при этом единство и самоорганизацию после превышения границы численности в 40 тыс. чел., имеют свои территориальные границы и плотность от 300 до 1000 чел. на кв. км.

Элементарной частицей местного или локального сообщества является община. Ю.М. Плюснину удалось доказать, что Россия до сих пор – страна общин, а атомизация (распад на индивидов) произошла разве что в больших городах. Общину автор определяет вслед за Ф. Теннисоном как группу лиц, «<...> связанных родством, свойством, живущих в одном месте и находящихся в непосредственном взаимодействии» [Плюснин 2022, с. 27]. Большинство местных сообществ состоят из 10–20 сельских общин, конституируясь в виде «куста» – совокупности нескольких деревень и сел, объединенных территориально, экономически и исторически [Плюснин 2022, с. 37]. На Русском Севере, в европейской части России, в Поволжье и на Урале такие «кусты» вырастают органически из одной деревенской общины в течение жизни нескольких поколений; в Сибири и на Дальнем Востоке они нередко созданы искусственно, сверху, и состоят из переселенцев [Плюснин 2022, с. 39].

Но, как уже говорилось, центр местного сообщества – малый город («местечко»). В малых городах с численностью до 5 тыс. жителей – одна община, включающая весь город, причем, здесь сильны родственные связи. Если в городе больше 5 тыс. жителей, образуется несколько общин – по районам города, по этническому признаку, а если есть районы, заселенные работниками одного предприятия (таких много на Урале), то и по профессиональному признаку. В городах с численностью более 20 тыс. жителей общинные связи начинают размываться, но в последнее время в них усилилась городская самоорганизация благодаря новым средствам связи: Интернету, социальным сетям и т. д. [Плюснин 2022, с. 41].

Ю.М. Плюснин выделяет четыре типа базовых отношений, стягивающих воедино местное сообщество и превращающих его в целостный социальный объект:

- 1) отношения совместности или коммунальности (восприятие членов сообществ как «своих», остальных – как «чужих»);
- 2) отношения кооперации и координации (совместная деятельность и взаимопомощь);
- 3) отношения коммуникативности (общение на локальном диалекте или жаргоне) и сочувствия (альтруизм по отношению к «своим»);
- 4) общие представления о своем существовании и повседневной деятельности (местные ритуалы, праздники и т. д.) [Плюснин 2022, с. 44].

Перейдем к авторским гипотезам, которые проверялись в ходе исследования.

Первая – гипотеза дополнительности социальных структур, суть которой состоит в том, что местное сообщество не однородно, а имеет, так сказать, два слоя. Первый – внешний, официальный: это определяемая государством социальная структура, которую обычно и изучают социологи. Ю.М. Плюснин предлагает рассматривать ее через теорию сословности С.Г. Кордонского [Кордонский 2008], который предложил выделять в обществе классы – группы, обеспечивающие

себя за счет рыночных операций (высший, средний и низший классы) и сословия. Последний термин используется не в привычном смысле (наследственные страды домодернистских обществ), и вследствие этого концепция С.Г. Кордонского часто понимается превратно. Вместе с тем сословия, по С.Г. Кордонскому, – это иное, а именно – группы, получающие ресурсы от государства и выстраивающиеся в иерархию: есть, например, «служилые сословия» (госслужащие) и обслуживающие (народ, бюджетники). «Служилые сословия» живут не только за счет жалованья от государства, но и за счет ренты, которую они взимают с низших сословий. Хозяйственная активность в этом обществе часто носит промысловый характер.

Российское общество – этатистское, и сословная структура здесь преобладает над классовой. Но есть в провинциальных сообществах, по Ю.М. Плюснину, еще второй слой – внутренний, незаметный для государства. Это низовая, общинная архаическая система самоорганизации, в которой государственный («сословный») статус человека и даже его материальное благосостояние значат меньше, чем его положение в родственно-соседском клане-общине.

В следующей гипотезе автор усложняет анализ, фиксируя структуру локальных сообществ не по одному, а по нескольким основаниям. Предполагаются три координаты (бинарно-оппозиционные признаки):

- 1) степень включенности человека в сообщество (неформальный статус);
- 2) его социальный статус (формальный статус);
- 3) степень его экономической активности.

В итоге получаются восемь композиций:

- 1) свои – верхи – активные;
- 2) свои – верхи – рентные;
- 3) свои – низы – активные;
- 4) свои – низы – рентные;
- 5) чужие – верхи – активные;
- 6) чужие – верхи – рентные;
- 7) чужие – низы – активные;
- 8) чужие – низы – рентные.

Так, авторитетные в местном сообществе статусные бизнесмены – это «свои – верхи – активные», авторитетные в местном сообществе чиновники – это «свои – верхи – рентные».

Еще одна гипотеза состоит в утверждении соответствия социальной (прежде всего сословной) структуры и территориальной: то есть в «сословном» обществе должны быть особые районы для разных «сословий», поликлиники, клубы и т. д., вплоть до кладбищ или участков на них.

Все эти гипотезы получили подтверждение в ходе исследования. Каждая глава книги раскрывает аспект концепции, изложенной в главе 1 и вкратце обрисованной нами здесь (за исключением главы 2, посвященной методологии). Особый интерес представляют, на наш взгляд, глава 5 («Хозяйство») и глава 7 («Статус и власть»).

Исследование Ю.М. Плюснина будит мысль: есть что обсудить, покритиковать, с чем провести исторические аналогии. Автору этих строк сразу бросилось в глаза, что описанные Ю.М. Плюсниным местные сообщества очень напоминают греческие полисы: полис тоже был городом с близлежащими селами, состоял из

родственных общин – фратрий. Платон и Аристотель считали, что оптимальная численность полиса – около 5 тыс. граждан, причем граждане – это свободные отцы семейств, то есть за каждым из них стояли жена, дети и рабы, а также метеки, и в совокупности получалось 30 или 40 тыс. чел. (население Афин в «классическую эпоху»). Аристотель в «Политике» писал, что граждане полиса знают друг друга в лицо.

Что же касается российского «полиса» (местного сообщества), то он скрыт под декорацией официальной власти, и его истинные руководители могут не иметь статуса чиновников (или иметь, но низкие в госиерархии), а «собрания общин» («фратрий») – осуществление полисной демократии – могут проходить не на центральной площади, а в бане или на рыбалке. В этом случае наша страна сводится к нескольким десяткам больших городов, нескольким сотням средних городов и к почти 2 тыс. провинциальных сообществ, включающих несколько 100 тысячных местных сообществ-«полисов», и к тысячам деревень («недополисов»). Все они непосредственно не связаны друг с другом и управляются сверху государством, которое представляет собой армию чиновников и силовиков, распределенных по всей территории, вербуемых из местных сообществ, но управляемых центром и лишь «прикрывающих» сверху низовую, общинную самоорганизацию. Естественно, эта картина вынуждает внести существенные коррективы в представления современных социологов, экономистов, политологов, культурологов. Думается, мы стоим лишь в начале исследования «настоящей социальной реальности» России.

Книга Ю.М. Плюснина – безусловно яркое явление в современной социологии и обществоведении. Как мы уже говорили, из «четырех России», выделенных Н.В. Зубаревич, одна уже в общих чертах описана. Очередь за Россией больших и средних городов и, конечно, за Россией национальных образований².

Список источников

- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Плюснин Ю.М. (2022) Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place, Хамовники.
- Семья и человеческое развитие (2013) // Валиахметов Р.М., Бурханова Ф.Б., Хилажева Г.Ф. (ред.) Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан. Уфа: Восточная печать. С. 137–138 // https://www.isras.ru/files/File/publ/Bashkortostan_doklad_2013.pdf, дата обращения 20.06.2022.

² Масштабное исследование одного из национальных образований – Республики Башкортостан – ведет группа башкирских социологов, уже получивших результаты, заслуживающие внимание [Семья и человеческое развитие 2013].

Features of Provincial Russia

Book Review: Plyusnin Y.M. (2022) *The Social Structure of a Provincial Society*, Moscow: Common Place, Hamovniki Social Research Support Foundation (in Russian).

R.R. VAKHITOV*

***Rustem R. Vakhitov** – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Bashkir State University, Associate Professor, Chair of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russian Federation, Rust_R_Vahitov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9161-0899>

Citation: Vakhitov R.R. (2022) Features of Provincial Russia. *Mir Rossii*, vol. 31, no 4, pp. 179–184 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-179-184

Abstract

This article reviews Y.M. Plyusnin's monograph "The social structure of provincial society". The monograph is the result of more than 30 years of field research on provincial Russia. Plyusnin defines "provincial society" as the totality of "local communities" of small towns and adjacent villages, located between "the Russia of large and medium-sized cities" and "rural Russia". "Local communities" comprise smaller communes, i.e., mutual aid unions tied together by kinship and neighbor relations, spanning one or more villages, smaller towns, and their districts. The monograph analyzes the economic development of such communities, as well as their relationships with official state structures (seen through the prism of the theory of S.G. Kordonskiy). The work opens up new perspectives for understanding the social, political, economic, and cultural reality of Russia.

Keywords: *Y.M. Plyusnin, social structure, provincial society, center, province, local community, community, class structure, class theory, S.G. Kordonskiy*

References

- Family and Human Development (2013). *Report on the Development of Human Potential in the Republic of Bashkortostan* (eds. Valiakhmetov R.M., Burkhanova F.B., Khilazheva G.F.), Ufa: Oriental Press, pp. 137–138. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Bashkortostan_doklad_2013.pdf, accessed 20.06.2022 (in Russian).
- Kordonsky S.G. (2008) *The Estate Structure of post-Soviet Russia*, Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation (in Russian).
- Plyusnin Yu.M. (2022) *The Social Structure of a Provincial Society*, Moscow: Common Place, Khamovniki (in Russian).